

Дающий

Автор:

[Лоис Лоури](#)

Дающий

Лоис Лоури

Дающий #1

«Дающий» – одно из самых заметных явлений в области детской литературы второй половины 20-го века, первый роман-антиутопия, написанный специально для подростков. В августе 2014 года на мировые экраны выходит фильм, снятый по мотивам книги. В ролях – Мерил Стрип и Джефф Бриджес. А в "Розовом жирафе" выходит новый тираж "Дающего" в новой обложке, а следом за ним – остальные части знаменитой тетралогии Лоис Лоури.

Вот что пишет про эту книгу сама Лоис Лоури: «Я сделала так, чтобы уютный и безопасный мир Джонаса понравился читателю. Я выбросила из него всё, что не любила сама: насилие, бедность, предрассудки и несправедливость. Все мои персонажи вежливы и обходительны – ведь мне так нравятся эти качества в людях. Прекрасный мир! В этом мире даже не нужно мыть за собой посуду. Ах, как бы мне хотелось остановиться на этом!» Но идеальный мир невозможно построить в реальности, поэтому перед главным героем, обычным подростком, писательница поставила выбор: остаться в этом идеальном мире или отказаться от него, чтобы спасти себя и того, кого он, вопреки запретам, успел полюбить.

В отличие от взрослых антиутопий Джорджа Оруэлла, Евгения Замятина или от подростковой «Зимней битвы» Жан-Клода Мурлевы, в «Дающем» нет внешней борьбы и насилия. Все открытия и вся борьба происходят во внутреннем мире Джонаса. Тем не менее, сюжет книги, с его неожиданными поворотами и беспощадными деталями, держит читателя в напряжении и ломает привычные стереотипы.

Сразу после выхода в 1993 году роман вызвал огромное количество споров. «Дающий» даже попал в список книг, которые группы родителей пытались

запретить: они считали, что с юными читателями нельзя говорить на такие серьезные темы. Но, несмотря на критику, книга вошла в школьную программу средних классов американской школы, получила множество престижных наград, включая медаль Ньюбери Американской библиотечной ассоциации. Ее суммарный тираж составил к настоящему моменту 5,5 миллионов экземпляров.

Лоис Лоури

Дающий

Детям, в чьих руках наше будущее

Lois Lowry

The Giver

Публикуется с особого разрешения издательства Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company

Переводчик благодарит Елену Нусинову за помощь и поддержку во время работы над книгой

Copyright © 1993 by Lois Lowry

© А. Шур, перевод, 2011

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2020

До декабря оставалось совсем чуть-чуть, и Джонасу было страшно. Нет. Неправильное слово, подумал Джонас. Страшно – это когда тебе плохо от того, что должно произойти что-то ужасное. Страшно ему было год назад, когда неизвестный самолет дважды пролетел над коммуной. Джонас сначала увидел его, а через секунду услышал рев двигателя. Затем, почти сразу тот же самолет пронесся обратно.

Джонас замер. Он никогда не видел самолетов так близко: Пилотам запрещалось летать над коммуной. Иногда на посадочную полосу по ту сторону реки приземлялись грузовые самолеты, и дети на велосипедах подъезжали к берегу и, не отрываясь, смотрели, как они сгружают продовольствие, а потом улетают на запад, за пределы коммуны.

Но этот самолет был другим. Остроносый и стремительный, он был совсем не похож на пузатые грузовые суда. Испуганно оглядевшись, Джонас увидел, что остальные – и дети, и взрослые – бросили свои дела и ждут, пока им объяснят, что происходит.

«ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОММУНЫ НЕМЕДЛЕННО ЗАЙТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ЗДАНИЕ И ОСТАВАТЬСЯ ТАМ! – раздался из громкоговорителей резкий голос. – ВЕЛОСИПЕДЫ ОСТАВИТЬ НА МЕСТЕ».

Джонас тут же бросил велосипед на дорожке возле своего дома и вбежал внутрь. Он был один – родители еще не пришли с работы, а младшая сестра Лили, как всегда после школы, была в Детском Центре.

Джонас посмотрел в окно. Улица опустела: ни Дворников, ни Ландшафтных Рабочих, ни Доставщиков Еды, никого из тех, кто обычно заполняет коммуны в дневные часы. Только валяющиеся повсюду велосипеды – у одного еще крутилось колесо.

Вот тогда он испугался. От вида замершей коммуны ему стало нехорошо.

Но оказалось, что ничего страшного не произошло. Уже через несколько минут снова раздался треск громкоговорителей, и голос, теперь гораздо более спокойный, объяснил, что Пилот на Обучении сбился с курса, запаниковал и в надежде скрыть ошибку повернул обратно.

«РАЗУМЕЕТСЯ, ОН БУДЕТ УДАЛЕН», – сказал голос, и наступила тишина.

Последнюю фразу Диктор произнес с иронией, как будто речь шла о чем-то забавном. Джонас тоже усмехнулся, хотя отлично знал, что ничего смешного в этом утверждении нет. Для действующего члена коммуны Удаление было страшным наказанием, свидетельством полного провала, приговором.

Даже детей ругали, когда они использовали это слово просто так, например, разозлившись на члена команды, пропустившего мяч или уронившего эстафетную палочку. Джонас тоже однажды крикнул своему лучшему другу Эшеру: «Ну все! Ты удален!», когда из-за его промаха их команда проиграла. Тренер отвел Джонаса в сторону для серьезного разговора, и он, виновато опустив голову, попросил у Эшера прощения.

Джонас ехал домой вдоль берега и размышлял о чувстве страха. Он вспомнил, как до тошноты испугался пронесшегося над коммуной самолета. Это было совсем не похоже на ощущения, которые вызывал в нем приближающийся декабрь. Он искал правильное слово, чтобы их описать.

Джонас внимательно относился к словам. Не то что его друг Эшер, который говорил слишком быстро и все путал – получалась такая мешанина, что не всегда даже было понятно, о чем речь. Часто выходило очень смешно.

Джонас улыбнулся, вспомнив, как однажды утром запыхавшийся Эшер ворвался в класс, когда все уже пели утренний гимн. Исполнив последний куплет, ученики расселись по местам, а Эшер остался стоять. Он должен был, как и положено, публично извиниться.

Так и не отдышавшись, Эшер протараторил стандартное извинение:

– Я приношу извинения за то, что причинил неудобство своим соученикам.

Инструктор и класс терпеливо ждали объяснения. Ученики улыбались – они не раз уже выслушивали объяснения Эшера.

– Я вышел из дома вовремя, но, когда проезжал мимо инкубатория, залюбовался тем, как разделяют семгу. Я приношу извинения своим одноклассникам, – повторил Эшер, одернул форму и сел.

– Мы принимаем твои извинения, Эшер, – класс хором проскандировал стандартный ответ.

При этом многие ученики с трудом сдерживали смех.

– Я принимаю твои извинения, – улыбнулся Инструктор. – И хочу сказать тебе спасибо за то, что ты опять даешь мне возможность поговорить с классом о Правильном Употреблении Слов. «Залюбоваться» – слишком сильное слово по отношению к разделыванию семги.

Инструктор повернулся к доске и написал «залюбоваться». А под ним написал «засмотреться».

Джонас улыбнулся этому воспоминанию. Он уже почти подъехал к дому и, ставя велосипед на место, вдруг понял, что не так со словом «страшно». Оно слишком сильное.

Он так давно ждет этого особого декабря. И теперь, когда декабрь так близко, ему не страшно. «Я жду его... с нетерпением, – решил Джонас. – И, конечно, я волнуюсь». Все Одиннадцатилетние были взволнованы этим стремительно приближающимся событием.

И все же всякий раз, когда Джонас думал, что может произойти, ему было не по себе.

«Мне тревожно, – решил Джонас. – Вот что я чувствую».

* * *

- Ну, кто сегодня хочет первым поделиться чувствами? - спросил Отец в конце ужина.

Это был один из ритуалов - делиться чувствами. Иногда Джонас и Лили спорили, кто будет первым. Их родители, конечно, тоже принимали участие в ритуале, они тоже делились своими чувствами каждый вечер. Но, как и все родители и вообще взрослые, они не ссорились. В том числе из-за права начать ритуал.

Сегодня и Джонас не пытался заговорить первым. Его чувства были слишком сложными. Он хотел ими поделиться, но не спешил, хотя и не сомневался, что родители помогут ему в них разобраться.

- Давай, Лили, - сказал он, глядя на младшую сестру.

Лили - Семилетняя - ерзала на стуле от нетерпения.

- Я сегодня очень разозлилась, - объявила Лили. - Моя группа из Детского Центра была на площадке для игр, и к нам пришли посетители-Семилетние, и они вообще не следовали правилам! Один из них, мужского пола, не знаю, как его зовут, все время забирался на горку без очереди, хотя все остальные ждали. Я так на него разозлилась! Я даже сжала руку в кулак, вот так, - она потрясла кулачком, и вся семья улыбнулась ее смелому жесту.

- Как ты думаешь, а почему посетители не следовали правилам? - спросила Мать.

Лили в задумчивости покачала головой:

- Я не знаю. Они вели себя как... как...

- Звери? - смеясь, подсказал Джонас.

- Точно, - рассмеялась Лили. - Как звери.

Дети понятия не имели, что значит это слово, но так часто называли невоспитанных или неловких людей, людей, которые вели себя не так, как все.

– А откуда они приехали? – спросил Отец.

Лили задумалась.

– Наш староста говорил об этом в приветственной речи, но я не помню. Наверное, я прослушала. Они из другой коммуны. Им пришлось выехать обратно очень рано, они даже обедали в автобусе.

Мать посмотрела на Лили:

– А как ты думаешь, может, у них правила другие? И поэтому они просто не знают, какие правила на вашей площадке?

– Наверное, – пожала плечами Лили.

– А вы разве не посещали другие коммуны? – спросил Джонас. – Моя группа часто это делала.

Лили кивнула:

– Да, когда мы были Шестилетними, мы провели целый школьный день с группой Шестилетних из другой коммуны.

– И как ты себя там чувствовала?

Лили нахмурилась:

– Мне было неудобно. У них другая система. Они уже освоили учебный материал, которого у нас не было, и мы чувствовали себя глупыми.

Отец слушал Лили очень внимательно.

– Я все думаю про мальчика, который не следовал правилам. Может, и ему было неудобно, может, и он чувствовал себя глупо? Ведь он тоже был в незнакомом месте с непривычными правилами. Как ты думаешь, Лили?

Лили обдумала его слова.

- Да, - сказала она наконец.

- А мне его даже жалко, - сказал Джонас. - Хоть я его и не видел. Мне было бы жаль любого, кто оказался там, где ему неуютно и он чувствует себя глупо.

- Что ты чувствуешь сейчас, Лили? - спросил Отец. - Все еще злишься?

- По-моему, нет, - решила Лили. - По-моему, мне тоже его жалко. И я жалею, что сжала руку в кулак, - сказала Лили. И улыбнулась.

Джонас улыбнулся в ответ. Чувства Лили всегда такие ясные, простые, с ними легко разобраться. Он подумал, что, наверное, когда он был Семилетним, его чувства были такими же.

Он вежливо, но не слишком внимательно слушал, что рассказывает Отец. Тот говорил о чувстве, которое беспокоило его сегодня на работе: он волновался за одного из Младенцев. Отец Джонаса был Воспитателем. Воспитатели должны были заниматься всеми эмоциональными и физическими потребностями детей в первые годы жизни. Джонас понимал, что это очень важная работа, но она его не слишком интересовала.

- Какого он пола? - спросила Лили.

- Мужского, - сказал Отец. - Очень милый ребенок мужского пола со славным характером. Но он растет медленнее, чем положено, и плохо спит. Мы держим его в отделе дополнительного ухода, но в Комитете уже поговаривают о том, чтобы его удалить.

- Ох, - вздохнула Мать. - Представляю, как тебе тяжело.

Джонас и Лили сочувственно покивали. Удаление детей всегда было печальным событием, ведь они еще не успели насладиться жизнью в коммуне. И они не сделали ничего плохого.

Удаление не было наказанием только в двух случаях – если дело касалось Старых и Младенцев. Удаление Старых отмечалось как праздник полно и хорошо прожитой жизни, а вот Удаление новорожденных сопровождалось чувствами бессилия и грусти. Особенно тяжело приходилось Воспитателям, которым казалось, что в случившемся есть их вина. Впрочем, детей удаляли очень редко.

– Но я пока не сдаюсь, – сказал Отец. – Я собираюсь попросить у Комитета разрешения приносить его на ночь домой, если вы, конечно, не против. Вы же знаете, как работают Ночные Воспитатели. Я думаю, этот малыш нуждается в чем-то большем.

– Конечно, – сказала Мать.

Джонас и Лили кивнули. Отец уже жаловался им на Ночных Воспитателей. Работа Ночных Воспитателей не считалась важной, на нее назначали людей, которым не хватало знаний, способностей, умения для более ответственной дневной деятельности. Большинству ночных работников даже не подбирали супругов, так как они не обладали элементарным навыком общения, что совершенно необходимо для создания Семейной Ячейки.

– Может быть, мы даже сможем его оставить у себя, – прощебетала Лили.

Она, конечно, дурачилась, все это прекрасно понимали.

– Лили, – с улыбкой сказала Мать, – ты же знаешь Правила.

Двое детей – один женского, один мужского пола – каждой Семейной Ячейке, гласили Правила.

Лили хихикнула.

– Я подумала, а вдруг один раз можно?

Следующей о своих чувствах рассказывала Мать, которая работала в Департаменте Юстиции. Сегодня к ней привели рецидивиста, человека, который уже нарушал правила. Она считала, что, строго и справедливо наказанный, он снова обрел свое место в коммуне: работу, дом, Семейную Ячейку. Увидев его во

второй раз, она рассердилась. Ей было обидно и даже немного стыдно, что она не смогла изменить его жизнь.

- И еще я почувствовала страх за него, - призналась Мать. - Вы же знаете, третьего шанса нет. Правила гласят, что третье нарушение влечет за собой Удаление.

Джонас вздрогнул. Он знал, что так бывает. У него в группе есть мальчик, чей Отец был удален много лет назад. Но никто никогда не говорит об этом, такой это позор. От одной мысли становится не по себе.

Лили подошла к Матери и положила руку ей на плечо. Не вставая с места, Отец взял ее за руку. Джонас - за другую. Каждый произнес слова ободрения. Вскоре Мать улыбнулась, поблагодарила их и сказала, что ей гораздо лучше. Ритуал продолжался.

- Ну а ты, Джонас? - спросил Отец. - Ты сегодня последний.

Джонас вздохнул. Сегодня он бы рад и вовсе не рассказывать о своих чувствах. Но это, конечно, против Правил.

- Мне тревожно, - признался он, радуясь, что в конце концов нашел правильно описывающее его чувства слово.

- Почему, сын? - Отец выглядел обеспокоенным.

- Я знаю, что на самом деле волноваться не о чем, - объяснил Джонас, - и что каждый взрослый через это прошел. И вы тоже. Но Церемония все равно меня тревожит. Ведь уже почти декабрь.

Лили широко раскрыла глаза.

- Церемония Двенадцатилетних, - прошептала она благоговейно.

Даже самые маленькие дети - как Лили и младше - знали, что ожидает в будущем каждого из них.

– Я рад, что ты поделился с нами своими чувствами, – сказал Отец.

– Лили, – позвала девочку Мать. – Тебе пора идти надевать пижаму. А мы с Отцом останемся и побеседуем с Джонасом.

Лили скривилась, но послушно встала из-за стола.

– Без меня? – спросила она.

– Да, это будет отдельная беседа только с Джонасом, – ответила Мать.

2

Джонас смотрел, как Отец наливает себе кофе. Он ждал.

– В детстве, – сказал Отец, – каждый декабрь был для меня событием. Как и для вас с Лили. Декабрь приносит столько нового!

Джонас кивнул. Он помнил декабри с тех пор, как стал Четырехлетним. Те, что были раньше, стерлись из памяти, хотя он, конечно, присутствовал на всех Церемониях. Он прекрасно помнил первые декабри Лили. Особенно декабрь, когда их Семейная Ячейка получила Лили – на той Церемонии она была названа и стала Годовалой.

Церемония Годовалых – всегда шумная и веселая. Каждый декабрь Младенцы, рожденные в течение года, становятся Годовалыми. По очереди – детей ровно пятьдесят, если никого не удалили, – их выносят на сцену Воспитатели, которые заботились о них с рождения. Некоторые идут сами, еще неуверенно держась на ногах, а совсем маленькие лежат на руках у Воспитателей.

– Я люблю Называние, – сказал Джонас.

– Я тоже, – сказала Мать. – В тот год, когда мы должны были получить Лили, – а мы, естественно, знали, что нам выдадут ребенка женского пола, ведь мы

подали прошение, и оно было одобрено, – я постоянно думала, какое же у нее будет имя?

– Я мог бы, конечно, заглянуть в список и до Церемонии, – признался Отец. – Комитет готовит его заранее, и он всегда лежит в офисе Воспитательного Центра.

– Вообще-то, – продолжил Отец, – мне немного стыдно, но сегодня я действительно зашел в офис, чтобы проверить, нет ли там списков для Называния. Список был, и я посмотрел на запись под номером Тридцать Шесть – это номер того малыша, о котором я вам сегодня рассказывал. Я подумал, что воспитательный процесс пойдет быстрее, если называть его по имени. Наедине, конечно, чтобы никто не услышал.

– И ты узнал его? – воскликнул Джонас.

Это было невероятно – то, что Отец вообще способен нарушить Правило, пусть и не самое важное. Джонас взглянул на Мать, человека, ответственного за соблюдение Правил в коммуне, и с облегчением увидел, что она улыбается.

Отец кивнул.

– Его именем – если он, конечно, дотянет до Называния – будет Гэбриэл. Так что я шепчу ему это имя во время кормлений, игр и занятий. Когда никто не слышит. Я зову его Гейб, – улыбнулся Отец.

– Гейб, – произнес Джонас. – Хорошее имя.

Хотя Джонас был только Пятилетним в тот год, когда они получили Лили и узнали ее имя, он отлично помнил, как все этого ждали. Они часами обсуждали, как она будет выглядеть, какой у нее будет характер, впишется ли она в размеренную жизнь Семейной Ячейки. Он помнил, как забрался на сцену вместе с родителями – Отец был с ними, а не с другими Воспитателями, потому что в том году ему выдавали собственного ребенка.

Он вспомнил, как его Мать взяла ребенка, теперь его сестру, на руки и как прочли документ собравшимся Семейным Ячейкам: «Младенец Двадцать Три, –

объявил Называтель, – Лили».

Он помнил восхищенное лицо Отца и как он прошептал:

– Это одна из моих любимиц, я надеялся, что нам дадут именно ее.

Толпа хлопала, Джонас улыбался. Ему нравилось имя его сестры. Лили, так толком и не проснувшись, помахала крошечным кулачком, и они спустились со сцены, чтобы уступить место следующей Семейной Ячейке.

– Когда я был Одиннадцатилетним, как ты, Джонас, я был очень нетерпелив. Никак не мог дождаться Церемонии Двенадцатилетних. Это ведь почти два дня. Я помню, что мне понравились Годовалые, но все остальные Церемонии не очень-то меня интересовали, кроме Девятилетних. Моя сестра стала в тот год Девятилетней и получила свой велосипед. Я учил ее ездить на моем, хотя, конечно, не должен был этого делать.

Джонас рассмеялся. Это было одно из Правил, которое не принимали всерьез и нарушали почти всегда. Велосипеды получали Девятилетние, до этого возраста ездить запрещалось. Но почти всегда старшие братья и сестры учили младших кататься, Джонас и сам уже подумывал, не пора ли заняться этим с Лили. Шли разговоры о том, чтобы поменять Правила и выдавать велосипеды в более раннем возрасте. Комитет изучал этот вопрос. Когда Комитет изучал что-нибудь, люди всегда шутили, что члены Комитета раньше станут Старейшинами, чем поменяют Правила.

Поменять Правила было невероятно сложно. Иногда, когда речь шла о чем-то действительно важном – не о такой ерунде, как велосипеды и возраст, в котором их следует выдавать, – вопрос задавали Принимающему, самому важному из Старейшин. Джонас его никогда и не видел, по крайней мере не знал, как он выглядит. Но Комитет никогда бы не побеспокоил Принимающего вопросом велосипедов, члены Комитета просто будут судить и рядить годами, пока в коммуне не забудут, что этот вопрос вообще был поставлен на обсуждение.

Отец продолжил:

– Я с удовольствием посмотрел, как моя сестра Катя стала Девятилетней, как она впервые сняла ленты для волос и получила велосипед. Затем я не очень-то

внимательно наблюдал за Церемониями Десяти- и Одиннадцатилетних. И вот, к концу второго дня – казалось, он будет длиться вечно – наступила моя очередь. Церемония Двенадцатилетних.

Джонас поежился. Он представил себе, как Отец, который, скорее всего, был тихим и скромным мальчиком – таким же тихим и скромным, как сейчас, – сидит со своими одноклассниками и ждет, когда его вызовут на сцену. Церемония Двенадцатилетних была последней Церемонией. Самой важной.

– Я помню, с какой гордостью смотрели на меня родители. Даже Катя, которой ужасно хотелось поскорей проехаться по коммуне на велосипеде, перестала ерзать и сидела очень прямо и спокойно, когда я вышел на сцену. Но, если честно, Джонас, – сказал Отец, – у меня Церемония тревоги не вызывала. Я был абсолютно уверен в своем Назначении.

Джонас удивился. Узнать про Назначение заранее совершенно невозможно. Распределение было секретным, им занимались лидеры коммуны – Старейшины. Относились они к этому со всей серьезностью, так что в коммуне про Назначения даже никогда не шутили.

Мать тоже была удивлена:

– Как же ты узнал?

Отец мягко улыбнулся:

– Ну, мне это было ясно с самого начала – и родители позже признались, что тоже не сомневались в том, какое дело будет получаться у меня лучше всего. Мне всегда нравились маленькие дети. Пока мои одноклассники устраивали велосипедные гонки, или строили машины и дома из конструкторов, или...

– То есть занимались тем же, чем мы с друзьями, – заметил Джонас.

– Конечно, я тоже участвовал во всех этих играх, все дети обязаны в них участвовать. И в школе я учился так же усердно, как ты. Но в свободное время я возился с малышами. И все часы добровольной работы проводил в Воспитательном Центре. Старейшины, конечно, про это знали.

Джонас кивнул. В этом году он заметил, что наблюдение усилилось. В школе, в Зоне Отдыха, в часы добровольной работы он часто видел Старейшин, наблюдающих за ним и другими Одиннадцатилетними. Он видел, как они записывают что-то в блокноты. Он знал, что они по многу часов беседуют со всеми Инструкторами, которые занимались с Одиннадцатилетними с первых лет школы.

– Так что я ждал своего Назначения и, когда объявили, что я буду Воспитателем, только обрадовался, – объяснил Отец.

– И все хлопали, хотя это не стало ни для кого сюрпризом? – спросил Джонас.

Отец улыбнулся:

– Ну конечно. Все радовались за меня, ведь я получил Назначение, о котором всегда мечтал. Мне очень повезло.

– А кто-нибудь из Одиннадцатилетних был разочарован?

В отличие от своего Отца, Джонас понятия не имел, какое из Назначений ему достанется. Но точно знал, что среди них есть такие, которые его расстроят. Например, при всем уважении к Отцу и его работе, он совсем не хотел бы стать Воспитателем. Да и Рабочим тоже.

Отец задумался.

– Вроде бы нет. Старейшины очень внимательно относятся к распределению.

– Я думаю, это самая важная работа в коммуне, – заметила Мать.

– Моя подруга Йошико не ожидала, что ее назначат Врачом, – сказал Отец. – Но очень этому обрадовалась. И да, был еще Андрей – в детстве он никогда не любил подвижные игры. Все свободное время он проводил, играя с конструктором, а часы добровольной работы – на стройках. Он был в восторге от своего Назначения Инженером.

– Кстати, мост через реку – тот, что с западной стороны, – построил именно он. Когда мы были маленькими, этого моста не было, – сказала Мать.

– Неудачные Назначения бывают крайне редко. Я не думаю, что тебе надо беспокоиться по этому поводу, – успокоил Джонаса Отец. – Кроме того, как ты знаешь, всегда можно подать апелляцию.

Тут все рассмеялись – апелляции отправлялись в Комитет на обсуждение.

– Я немного волнуюсь за Назначение Эшера, – признался Джонас. – С ним так весело! Но у него нет никаких серьезных увлечений. Он все превращает в игру.

Отец улыбнулся:

– Знаешь, а я ведь помню Эшера еще с Воспитательного Центра, до Называния. Он никогда не плакал. Смеялся все время. Все сотрудники любили нянчить Эшера.

– Старейшины знают Эшера, – сказала Мать. – Они подберут ему правильное Назначение. Не волнуйся за него. Но, Джонас, я должна предупредить тебя кое о чем. Я не догадывалась об этом до самой Церемонии Двенадцатилетних.

– О чем это ты?

– Как тебе хорошо известно, это последняя Церемония. После Двенадцати возраст уже неважен. Большинство из нас со временем просто забывают, сколько им лет. Хотя эта информация доступна – в Зале Открытых Записей, и при желании можно пойти и посмотреть. Но вот что действительно важно – это подготовка к взрослой жизни и Обучение Назначению, которое ты получишь.

– Так я знаю об этом! – сказал Джонас. – Все знают.

– Да, но это значит, – продолжила Мать, – что ты перейдешь в новую группу. Как и каждый из твоих друзей. Ты больше не будешь проводить время со своей группой Одиннадцатилетних. После Церемонии Двенадцатилетних твоими одноклассниками станут те, кто будет обучаться тому же Назначению. Никаких часов добровольной работы, никакой Зоны Отдыха. Ты уже не будешь так много

общаться со своими друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/lois-louri/dayuschiy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)